

УДК 1(091):171:172.1

ДЕРЗОСТЬ ЗНАТЬ, ИЛИ ЕВАНГЕЛИЕ ОТ КАНТА

С.Н. Градировский^{1,2}

В ходе тщательного разбора эссе Канта, в котором он дал свой оригинальный ответ на вопрос «Что такое Просвещение?», исследуются причины и последствия прозвучавших тезисов о Просвещении как историческом процессе, вызывающем к освобождению из-под ига опекуинства путем прежде всего избавления от собственной трусости. В поисках ответа на вопрос «В чем подлинная причина указанного несовершеннолетия?» рассматривается смысловая развилка: все дело в несправедливых общественных институтах, установленных в интересах правящего сословия, о чем всю эпоху Просвещения свидетельствовали лучшие европейские умы, тем самым предвзято и оправдывая революционные потрясения, или же в нас самих, отказавшихся самостоятельно и регулярно пользоваться природным умом, по поводу чего Кант дает жесткое указание на особый тип вины каждого. Вслед за Кантом осуществляется поиск ответа на вопрос «Какие ограничения препятствуют Просвещению, а какие не только не препятствуют, но с необходимостью содействуют ему?», а также вскрывается сокрытый парадокс Кантова решения: совершеннолетие требует предварительного предоставления свобод, а предоставление свобод, в свою очередь, требует уже совершеннолетней публики. Автор также ставит вопрос, чье ярмо жестче — собственное или опекуна, и дает свою версию ответа. В заключение осуществляется авторская сборка всех частей сложной и оригинальной формулы кантовского рецепта Просвещения. Помимо прочего, обнаруживается особый тип связности общественного организма, которую подразумевает Кант, а именно требование повиноваться тому, кто не превышает вас в мышлении и праве публичного высказывания, что в итоге означает не только чье-то личное совершеннолетие, но тем самым и совершеннолетие общества, функционирующего согласно указанной максиме.

Ключевые слова: Просвещение, несовершеннолетие, мужество знать, вина, Sapere aude, власть мышления, конкордат, Caesar non est supra grammaticos

¹ Московская школа управления «Сколково», Россия, 143025, Московская область, Одинцовский район, дер. Сколково, ул. Новая, д. 100.

² Балтийский федеральный университет им. И. Канта, Россия, 236041, г. Калининград, ул. А. Невского, д. 14. Поступила в редакцию: 20.01.2023 г.
doi: 10.5922/0207-6918-2023-2-7

DARE TO KNOW, OR THE GOSPEL ACCORDING TO KANT

S.N. Gradirovsky^{1,2}

In the course of a close analysis of Kant's essay in which he gives his original answer to the question, "What is Enlightenment?" I examine the causes and consequences of the theses about Enlightenment which makes a plea for emancipation from the shackles of guardianship, above all by getting rid of one's own cowardice. In search of an answer to the question, "What is the real reason of self-incurred immaturity?" I consider the bifurcation: Is it all about unjust social institutions established in the interests of the ruling social estates, as the best European brains contended throughout the Enlightenment era, thus anticipating and justifying revolutionary upheavals, or is it within ourselves who have refused to use our reason independently and regularly? — something which Kant unequivocally considers to be everyone's special kind of guilt. Following Kant, I look for an answer to the question, "Which limits impede Enlightenment, and which limits, far from obstructing it, are bound to promote it?" and reveal the hidden paradox of the Kantian solution: maturity has to be preceded by the granting of freedoms; and the granting of freedoms in turn calls for a mature public. I also ask the question, "Whose yoke is heavier, one's own or the guardian's?" and offer my version of an answer. In conclusion, I assemble all parts of the complicated and original formula of the Kantian recipe of Enlightenment. Among other things, I reveal a special type of bonding within the social organism implied by Kant, and that is the requirement to obey those who are not above us in thinking and the right to speak out in public, which ultimately means not only personal maturity, but implies also the maturity of society's functioning in accordance with the said maxim.

Keywords: Enlightenment, immaturity, the courage to know, guilt, Sapere aude, the power of thinking, concordat, Caesar non est supra grammaticos

¹ The Moscow School of Management SKOLKOVO, 100 Novaya st., Skolkovo, Odintsovo district, Moscow region, 143025, Russia.

² Immanuel Kant Baltic Federal University (IKBFU), 14 Aleksandra Nevskogo st., Kaliningrad, 236041, Russia. Received: 20.01.2023.
doi: 10.5922/0207-6918-2023-2-7

Стивен Пинкер, яркий популяризатор всего рационального, научного, прогрессивного и гуманного, написал книгу с обнадеживающим названием «Просвещение продолжается», в предисловии к которой признался, что целью его солидного и одновременно легкочитаемого фолианта было показать, что «идеалы Просвещения не стареют и что сегодня они нужны нам, как никогда» (Пинкер, 2021, с. 13).

Кант в своем постулирующем эссе 1784 г. (Кант, 1994а) понятие *Просвещение* строил сложнее и ситуацию понимал глубже, чем наш современник Пинкер. Конечно, понимание Канта ни в коей мере не отрицало ни разум, ни научное мышление, основанное на разуме, ни прогресс, являющийся плодом просвещенного разума и науки. Тем не менее самый известный в истории кёнигсбержец обсуждал цели, лежащие намного выше горизонтов современной науки, экономики и общественного строя. Так, Кант без обиняков высказался о вине каждого представителя рода человеческого, указав на истоки подлинного рабства. Оставаясь профессором университета, он предпринял публичную попытку договориться с просвещенным правителем, предложив ему, по сути, конкордат от лица интеллектуалов эпохи. Кант не трафил предполагаемому читателю (может быть, только за исключением самого монарха, которого из главного опекуна предполагалось превратить в образцового освободителя), не угождал своим современникам и настолько не жалел человеческих чувств, что нередко встречающиеся утверждения о гуманности его дискурса должны быть подвержены критическому пересмотру.

Что подразумевают, когда говорят «Просвещение»

Для начала очертим поле и набросаем варианты многовекторного употребления понятия *Просвещение*.

Просвещение чаще всего понимают как конкретный отрезок на исторической шкале, а именно как определенную историческую эпо-

Steven Pinker, a brilliant populariser of reason, science, progress and humanity, in his book under the promising title, *Enlightenment Now*, admits in the preface to his thick but lucidly written volume that his aim was to show that “Enlightenment ideals [...] are timeless, but they have been more relevant than they are right now” (Pinker, 2018, p. XVII).

Kant in his postulating 1784 essay (Kant, 2006) interpreted the concept of *Enlightenment* in a more complex way and understood the situation more deeply than Pinker, our contemporary. Kant’s interpretation, of course, did not reject reason, or science based on reason, or progress which is the fruit of enlightened reason. However, the most famous citizen of Königsberg discussed goals that were far beyond the horizons of modern science, economics and social systems. Thus, Kant was forthright in speaking about the guilt of every member of the human race, pointing out the sources of real slavery. Remaining a university professor, he made a public attempt to come to terms with an enlightened ruler by effectively proposing a concordat with him on behalf of all intellectuals of his time. Kant did not seek to please his reader (except perhaps the monarch himself, whom he wanted to convert from chief guardian into an exemplary emancipator), nor did he pander to his contemporaries and was so unsparing of human sensibilities as to make one question the oft-repeated claims about the humanity of his discourse.

What Do People Mean When They Say “Enlightenment”?

To begin with, let us mark out the territory and sketch out the polysemy of the notion of *Enlightenment*.

More often than not, Enlightenment is understood as a *concrete stretch on the historical scale*, a specific historical epoch with a set of

ху с набором рациональных целей и соответствующих им технических средств. В таком ключе преимущественно осмыслялось так называемое французское Просвещение.

Другое распространенное понимание термина — *Просвещение как призыв к знанию*. Оно подразумевает рождение человека в особый мир знания и одновременно, как следствие, обнаружение границ незнания. В этом случае Просвещение понимается как приобретение человеком других качеств по мере вступления в долгожданный свет разума. С этой идеей работал уже Сократ, мастер майевтики, автор саморазоблачения «я знаю, что я ничего не знаю» — канонический философский персонаж, который в конце жизни самим собой явил цену так исповедуемого «Просвещения», афинянин, задавший собой образец действительного *мужества*, когда исполнение несправедливого приговора над собой он предпочел бегству, скитанию, но главное — потере философской позиции.

Иное понимание — *Просвещение как процесс*. Речь идет о том, что еще не наступило, но с неизбежностью грядет. Причем Просвещение рассматривается как процесс, который стремится достичь стадии «фазового перехода» — такого момента, когда человек покидает одно состояние и усилием приобретает качественно иное: в частности, состояние «совершеннолетия», как это мы видим у Канта.

Далее, Просвещение есть такое состояние дел, когда властью культивируется свобода в части публичных высказываний, которые, в свою очередь, допустимы строго с определенной позиции — позиции ученого. Здесь Просвещение выступает как особый тип общественного договора.

Просвещение как конституирующий проект Модерна. В свою очередь, Контрпросвещение, на чем настаивал Борис Межуев (МГУ им. М.В. Ломоносова / ИНИОН)³, есть поддерживающий проект все того же Модерна. Логично допустить, что пара Просвещение / Контр-

rational ends and corresponding technical means. This usually applied to the French Enlightenment.

Another popular interpretation of the term is *Enlightenment as a call to knowledge*. It implies that man is born into a special world of knowledge and, as a consequence, discovers the limits of knowledge. In this case Enlightenment is understood as the human being's acquiring other properties as he/she enters the long-awaited light of reason. This idea is associated with Socrates, a master of maieutics, author of the self-expository phrase, "one thing only I know and that is that I know nothing", a canonical philosophical character who, at the end of his life, demonstrated the price of the "Enlightenment" that he preached, an Athenian who set an example of true *courage* by preferring submission to an unjust sentence to flight, unsettled wandering and, most importantly, to the loss of philosophical integrity.

Yet another interpretation is *Enlightenment as a process*, as something that has not yet arrived but will inevitably arrive. Enlightenment is seen as a process that seeks to attain the stage of "phase transition", the moment when a person leaves one state and forces him/herself to acquire a new quality: one example being the state of "maturity" that we find in Kant.

Further, Enlightenment is a state of affairs when power cultivates freedom of public speech, but only from the position of a scientist. Here Enlightenment takes the form of a special *type of social contract*.

Enlightenment as the constituting project of Modernity. In turn, counter-enlightenment, as argued by Boris Mezhuyev (Lomonosov Moscow State University / INION)³, is a supporting project of Modernity. It stands to reason that the

³ В рамках научного семинара по критическому мышлению в Балтийском федеральном университете им. И. Канта (Светлогорск, 2021 г.). См. также: (Межуев, 2022).

³ In the framework of the seminar on critical thinking at the Immanuel Kant Baltic Federal University in Svetlogorsk 2021. See also Mezhuyev (2022).

просвещение работает подобно двухтактному двигателю, что, собственно, и позволяло цивилизации двигаться к цели «осовременивания».

Просвещение как высшая человеческая надежда, как упование на освобождение, как выражение и разрешение исходных чаяний человека, заимствованных из эпохи еще не разума, но веры. Это идея именно «освобождения», пусть перетолкованная, секуляризированная, неизбежно адаптированная к тому, кто еще слаб. Причем кантовский концепт совершеннолетия следует рассмотреть в качестве формы освобождения из-под ига опекуна и опекуинства как особого типа господства.

Во время семинара в Светлогорске в 2021 г.⁴ Наталья Артеменко (СПбГУ) настояла на еще одной версии — *Просвещения как самозванства*, раскрывая его — насколько я могу сегодня донести без искажений ее мысль — как специфическое заявление о себе самом, как заботу о самом себе, понятую как решительный *выход* из прошлого состояния себя. Ведь еще Сенека сетовал, что самое страшное рабство — это рабство, идущее от себя самого (см.: Сенека, 1977, с. 42 (Письмо XXII)).

Автор данной статьи ни в коем случае не утверждает, что осуществленное выше различие базового понятия безупречно. Вчитываясь в тот или иной текст из огромного поля материалов, посвященных Просвещению, можно обнаружить различные версии употребления рассматриваемого понятия. Так, в тексте Канта мы встретим ссылки на Просвещение и как на процесс, и как на нечто, что еще не наступило, но уже грядет, а также мысль, что Просвещение есть такое состояние дел, когда допускается абсолютная свобода в части публичных высказываний.

Эссе 1784 года: мощь первого абзаца

Начнем с первой фразы трактата, фразы удивительно емкой, благодаря чему она сообщает практически сразу все, что нужно знать

⁴ См. сноску 3.

Enlightenment / Counter-Enlightenment pair works like a two-stroke engine, which has enabled civilisation to move toward the goal of “modernisation”.

Enlightenment as the highest human hope, the dream of emancipation, an expression and resolution of the innate human aspirations borrowed from the epoch, not yet of reason, but of faith. It is an idea precisely of “emancipation”, even if reinterpreted, secularised and inevitably adapted to the person who is still weak. The Kantian concept of maturity should be seen as a form of liberation from the yoke of the guardian and guardianship as a special type of dominance.

At the 2021 seminar in Svetlogorsk⁴ Natalia Artemenko (St. Petersburg State University) put forward yet another version, *Enlightenment as impostorism*, interpreting it, to the best of my understanding, as a specific statement about oneself, concern about oneself, understood as a determined *exit* from one’s former state. After all, Seneca (1917, p. 155 (Letter XXII)) had already long before bemoaned the fact that the most dreadful slavery is slavery coming from within oneself.

Far be it from me to claim that my distinction of different meanings of the basic term is impeccable. Reading any one of the vast body of materials devoted to Enlightenment, one may come across different versions of the use of the term. Thus, in Kant’s text we find references to Enlightenment as a process, as something that has not yet arrived but is on the way, and the idea that Enlightenment is a state of affairs when there is absolute freedom of public expression.

1784 Essay: Power of the First Paragraph

Let us start with the first sentence of the treatise, which is so succinct that it sums up everything there is to know about Enlightenment: “En-

⁴ See footnote 3.

о Просвещении: «Просвещение – это выход человека из состояния несовершеннолетия, в котором он находится по собственной вине» (AA 08, S. 35; Кант, 1994а, с. 127).

Выделим пять первичных значений.

Во-первых, сразу становится понятным, что речь пойдет не об эпохе, а о процессе. Кант эту мысль дополнительно выделяет примерно в середине рассматриваемого эссе: «Если задать вопрос, живем ли мы теперь в *просвещенный век*, то ответом будет: нет, но мы живем в *век Просвещения*» (AA 08, S. 40; Кант, 1994а, с. 141) – очерчиваемый период, который следует понимать как время движения к определенной цели.

Во-вторых, речь идет о специфическом процессе – таком, когда происходит смена состояний. В физике подобный тип процесса называют фазовым переходом (частный случай, смена агрегатного состояния). Кант призывает покинуть одно состояние, а другое, качественно иное, пока еще не названное – приобрести.

В-третьих, особый интерес представляет используемое Кантом понятие *Ausgang* – «выход» или «исход», в котором невозможно обойти молчанием промелькнувший библейский подтекст. Самый известный Исход иудео-христианской ойкумены – это исход евреев из плодородной дельты, из сладко-горького рабства. Согласно Писанию, призванный к *исходу* народ больше страшился неопределенности будущего, чем прочувствованных издевательств над собой в прошлом. Народ, покинувший привычное место жизни, постоянно переживал страх и не прекращал сетовать. И ничего нельзя было поделать с этим человеческим месивом, никакое новое состояние оно не могло наследовать, никакую обетованную землю объять и взять как свою. И причина тому была одна – собственная трусость. Из-за этого «несовершеннолетия» пророку Всевышнего пришлось отправиться в сорокалетнее турне по пустыне, прихватив с собой весь навязанный ему Яхве никчемный народ. И только приобретение нового состояния «совершеннолетия», как видно из Писания, путем буквально фи-

lightenment is the human being's emancipation from its self-incurred immaturity» (WA, AA 08, p. 35; Kant, 2006, p. 17).

Let us single out five primary meanings.

First of all, it is immediately clear that Kant refers to an epoch and not a process. He re-emphasises this point in the middle of his essay: “If it is asked, then, whether we live in an *enlightened age*, then the answer is: no, but we do live in an *age of enlightenment*” (WA, AA 08, p. 40; Kant, 2006, p. 22), the period described should be understood as the time of movement toward a certain goal.

Second, the process has to do with a change of states. In physics this type of process is called “phase change” (a particular case, change of aggregate state). Kant urges leaving one state and acquiring a qualitatively new, still unnamed state.

Third, it is interesting that Kant uses the concept of *Ausgang* (“exit” or “exodus”) which carries biblical connotations. The best-known Exodus in the Judeo-Christian world is the exodus of the Jews from the fertile delta, from bitter-sweet slavery. According to Scripture, the people called to exodus dreaded uncertainty of the future more than the abuse they had experienced in the past. The people who left their habitual abode were in constant fear and never ceased to complain. Nothing could be done about this human mass, it could not inherit any new state, it could not embrace any promised land and make it its own. The sole cause of this was cowardice. Because of this “immaturity” the prophet had to wander for forty years in the desert, leading the useless tribe imposed on him by Yahweh. Only the acquisition of a new state of “maturity”, as seen from Scripture, through the physical change of generations, made it possible to fulfil the bidding, i.e. enter

зической замены поколений позволило исполнить сказанное, а именно войти в землю обетования. Предположим, что исход сопоставимой силы в своем эссе обсуждает Кант.

В-четвертых, мы, люди (в том числе читающие эти строки), по большому счету полагаем себя совершеннолетними, что с юридической точки зрения, да и согласно общепризнанной договоренности, закреплённой в культурной норме, абсолютно верно. Но Кант указывает на другой полюс «совершеннолетия», который не дается фактом прожитых лет, нажитых морщин, полученного образования или занимаемой должности. В первом же предложении эссе содержится подсказка о том, что есть какое-то иное «совершеннолетие», которым читатель и должен заинтересоваться.

И наконец, в-пятых, причина указанного несовершенноголетия заключается не в несправедливых общественных институтах, установленных в интересах правящего сословия, о чем всю эпоху Просвещения свидетельствовали лучшие европейские умы, тем самым предвеляя революционные преобразования, причина — в нас самих, в каждом из нас! По поводу чего Кант дает жесткое указание на «собственную вину».

В следующих предложениях первого абзаца кёнигсбергский мыслитель усиливает сказанное: «*Несовершеннолетие* есть неспособность пользоваться своим рассудком без руководства со стороны кого-либо другого» (AA 08, S. 35; Кант, 1994а, с. 127). Здесь Кант проясняет, что он имел в виду в самой первом предложении. Неспособность пользоваться тем, что в каждом уже есть, что вроде как в твоём личном распоряжении, но по факту твоих поступков этого и не скажешь. Ведь большинство людей уверены, что они мыслят самостоятельно. На этом допущении держится достоинство человека, власть господина, на нем формируется изначальное эго. Но Кант вскрывает обескураживающую реальность: человек пользуется вроде как своим рассудком, но при этом под чутким руководством кого-то другого и, как правило, этого даже не осознаёт.

the Promised Land. Let us assume that Kant in his essay had in mind an exodus of comparable magnitude.

Fourth, we humans (including those reading this) consider ourselves at the end of the day to be mature, which is true from the legal point of view and in accordance with the social contract sealed in cultural norms. But Kant points to another pole of “maturity” which is not determined by age, the number of wrinkles, education or social status. The first sentence of Kant’s essay hints at another kind of “maturity” which should intrigue the reader.

Fifth and last, the cause of the immaturity is not unjust social institutions established in the interests of the ruling estate, as the best European brains contended throughout the Enlightenment era, thus anticipating and justifying revolutionary upheavals, but it is within ourselves who have refused to use our reason independently and regularly, which Kant unequivocally considers to be everyone’s “own guilt”.

In the following sentences of the first paragraph Kant reinforces his message: “*Immaturity* is the inability to make use of one’s intellect without the direction of another” (WA, AA 08, p. 35; Kant, 2006, p. 17). Here Kant elucidates what he had in mind in the very first sentence. It is inability to use what is in everyone and what seems to be at one’s disposal but is belied by the way one behaves. For most people are sure that they think independently. This assumption underlies human dignity, the power of the master, and the ego. But Kant stuns us by revealing the truth: human beings only seem to use their own reason, but do so under someone else’s guardianship, usually without being aware of it.

This prompts a host of questions. To what extent is “one’s own” really one’s own? What kind of mode of using “one’s own” is it if what is “sort

Здесь возникает целый ряд вопросов. Насколько «свое» в действительности свое?! Что это за такой тип использования своего, когда «как-бы-свое» невозможно задействовать без руководства со стороны другого?! И кто тогда эти другие, которые с такой щедростью осуществляют руководство над тобой? Кто им дал эту власть? Или они сами ее взяли? На какой срок? Может быть, ровно до той поры, пока несовершеннолетний остается несовершеннолетним? Как разорвать эту связь? Кто в состоянии стать инициатором разрыва? Что можно тут знать и на что надеяться?

В третьем предложении первого абзаца Кант, уподобившись ветхозаветному пророку, свидетельствует о вине человека: «Несовершеннолетие *по собственной вине* — это такое, причина которого заключается не в недостатке рассудка, а в недостатке решимости и мужества пользоваться им без руководства со стороны кого-либо другого» (Там же). Стоп, говорит себе читатель, значит, с рассудком все в порядке! Уже легче. (Ведь любую инвалидность готов признать современный человек, кроме слабости ума и тем более его утраты. Ничто не стыдно, помимо слабоумия, — ни диабет, ни рак, ни аллергия.) Чтобы воспользоваться оружием, несущим смерть, необходима решимость. Мысль, что рассудок — это нечто похожее, требующее такой же решимости и мужества, вызвала оторопь! Как так? Ибо нечто, что является центром осознания себя и что, собственно, и принимает на свой счет подобные сентенции, априори уверено в своей самостийности. Эта точка самоидентификации и самооценки будет уверенно заявлять, что никак иначе, как только самостоятельно, она распоряжается своим рассудком. Человеку непросто поймать себя на таком уровне самовранья! Каждому трудно признаться, что «решимости понять» в должной мере проявлено не было. Непросто довести до самого себя мысль, что мужества тебе не хватило и что все это время ты некритично использовал и утверждал нечто, особенно задумываясь, откуда оно берется. Возможно, все это время ты как бы «спал», находясь в

of one's own" cannot be used without guidance from another? And who are these others who so generously offer you guidance? Who gave them this power. Or did they usurp it? For how long? Maybe until the immature becomes mature? How to sever this link? Who is able to initiate the break? What can we know and what can we hope for?

In the third sentence of the first paragraph Kant, like the Old Testament prophet, witnesses to human guilt: "This immaturity is *self-incurred* when its cause does not lie in a lack of intellect, but rather in a lack of resolve and courage to make use of one's intellect without the direction of another" (*ibid.*). Hold on, the reader might say. So, everything is in order with intelligence. A sigh of relief. (Modern human beings could come to terms with any disability but feeble-mindedness, let alone total mindlessness. Nothing is shameful except feeble-mindedness — neither diabetes, nor cancer, nor allergy). Using a lethal weapon takes determination. The thought that intelligence is something similar, in that it demands a similar kind of determination and courage, gives one pause for thought. How come? For something that is the centre of self-consciousness and to which all these sentences refer is *a priori* sure of its independence. This point of a person's self-identification and self-esteem will claim that it uses its reason independently and not otherwise. It is hard for a human being to catch him/herself at such a level of self-deception. We find it hard to admit that we have been short of "determination to understand". It is not easy to digest the idea that we did not have the courage and that we have all along been using and asserting something without giving much thought to where it comes from. Perhaps all this time we were "asleep", lulled by complacency of false power. Kant's move can be seen as a revelation followed either by denial or

самоуспокоении ложной власти. Этот ход Канта можно отнести к классу откровений, за которыми следуют или отрицание и насмешки, или решимость самому начать поиск путей пробуждения, которому предшествует осознание своего несовершеннoлетия и решительное размежевание двух состояний — до и после.

Первый абзац эссе завершается короткой фразой из Горация — *Sapere aude*. Кант настаивает, что она и есть девиз правильно понятого Просвещения, тут же приводя собственный перевод этой фразы, как бы не надеясь с ходу быть правильно понятым, — «Имей мужество пользоваться своим *собственным* рассудком» (Там же). Так как на этой основополагающей фразе трактата стоит остановиться отдельно, перейдем к ее археологии.

Археология девиза Просвещения

Sapere aude (далее — *S.A.*) — латинское изречение, содержащееся в «Посланиях» Горация (*Epistulae* I 2 40). Полный гекзаметр гласит: «*Dimidium facti, qui coepit, habet: sapere aude, incipe*», что в классическом переводе Н. С. Гинцбурга означает: «Тот уж полдела свершил, кто начал: осмелся быть мудрым / И начинай» (Гораций, 1970, с. 326).

Все части данной эпистулы со временем были растащены на цитаты. Первая часть превратилась в известную поговорку: «*Кто начал, уже наполовину сделал!*» Последняя — *S.A.* — стала главным героем гекзаметра и в дальнейшем имела богатую историю. Так, например, в 1518 г. *S.A.* процитировал в своей инаугурационной речи в качестве профессора греческого языка в Виттенберге соратник Лютера Филипп Меланхтон (*Melanchthon*, 1843, p. 25). Легко представить религиозно-политический фон для подобного рода заявлений о мужестве. В конце XVIII в. Кант объявляет изречение Горация девизом Просвещения и навязывает свое толкование. В 1819 г. *S.A.* появляется на обложке второго издания знаменитого ганемановского «Органа врачабного искусства» (*Hahnemann*,

ridicule or the resolve to start looking for a path to awakening preceded by awareness of our immaturity and a clear distinction between two states, before and after.

The essay's first paragraph ends with a short phrase from Horace, *Sapere aude*. Kant insists that this is the motto of correctly understood Enlightenment: "Have the courage to make use of your *own* intellect!" (*ibid.*). Since this key phrase of the treatise merits a closer look let us turn to its archeology.

Archeology of the Enlightenment Motto

Sapere aude (elsewhere *S.A.*) is a Latin phrase contained in Horace's *Epistulae* (*Epistulae* I 2 40). The full hexameter reads: "*Dimidium facti, qui coepit, habet: sapere aude, | incipe*" which means "Well begun is half done. Dare to be wise. | Start now" (*Horace*, 2005, p. 81).

All parts of this epistle have been poached for quotations. The first part turned into the proverb "Well begun is half done". The last — *S.A.* — became the main hero of the hexameter and had a rich history. Thus, in 1518 *S.A.* was quoted in his inaugural address as Professor of the Greek language in Wittenberg by Philip Melanchthon (1843, col. 25). One can easily imagine the religious-political background of such statements about courage. In the late eighteenth century Kant proclaims Horace's phrase to be the motto of the Enlightenment and imposes his own interpretation. In 1819 *S.A.* appears on the cover of *Hahnemann's Organon of the Healing Art* (*cf.* *Hahnemann*, 1819), which today takes pride of place as one of the main irritants of orthodox medicine. In the twentieth century *S.A.* is adopted as the motto of the Moscow Physical-Technical Institute, the flagship Soviet establishment of physical and engineering education. All these are examples of historical "daring" and an ardent desire to build new knowledge.

1819), который сегодня занимает почетное место одного из главных раздражителей ортодоксов доказательной медицины. В XX в. S.A. становится девизом МФТИ — флагмана советского физического и инженерного образования. Все это примеры исторической «дерзости» и горячего желания построить новое знание.

Если S.A. разбирать пословно, мы имеем следующие варианты: *audere* — *смечь, хотеть, стремиться* и даже *дерзать*; *sapere* — *иметь вкус, обладать запахом*; в переносном смысле это указание на наличие «мудрости», «понимания», «знания»⁵. Это буквально легализует такие варианты перевода, как «Смей вкусить!», «Стремись понять!», «Жажди знать!» Здесь явно слышатся нотки призыва к задействию страстного начала, что подводит нас к одному из парадоксов Просвещения: *попытка действовать исключительно рассудочно не позволяет запустить в полную силу движок рассудка*. Толчок этому движку дает начало более животное, мейнстримом Просвещения, как правило, презираемое, но почитаемое в платоновской политейе, — *страсть*. Из страсти как таковой разворачивается программа знания! Но дело здесь не только в страсти. Мужество и вера также не являются качествами ума. Уму нужен партнер, причем сильный партнер. Необходимо другое основание, чем то, на которое полагается сам ум. Драма человека в том, что из всего арсенала средств, которыми располагает *Homo sapiens*, ум пытается оставить только себя, устранив все иное — и концы страсти, и начала веры. Ум ревнив и горд. Его программа — не допустить *метаноию*, событие самоопределения, презрев по большому счету все, что не есть он сам, все, чего он — ум — боится, ибо не понимает. Это твой ум недопонимает, а ты, человек, жажди понять и смей вкусить! — слышится голос древних.

⁵ В закромах латыни есть два глагола, обозначающих наличие вкуса у какого-либо объекта: *gusto* и *sapio*, но именно в семантике *sapio* начиная с архаических текстов наблюдается явное преобладание переносных значений, относящихся к интеллектуальной деятельности. См.: (Грошева, 2011).

If we look at S.A. word by word, we get the following variants: *audere* means — *to have the temerity, aspire, seek and even dare*; *sapere* means *to taste, to have smell*; figuratively, it points to the presence of “wisdom”, “comprehension” and “knowledge”.⁵ It literally legitimates such translations as “Dare to taste!”, “Seek to comprehend!”, “Thirst for knowledge!”. One clearly hears a call for bringing in the element of passion, which leads us to one of the paradoxes of Enlightenment: *an attempt to act solely from reason does not permit tapping the full potential of reason*. This engine is started by a more animal element which is typically despised by the mainstream Enlightenment, but is highly regarded in Plato’s *politeia* — *passion*. The programme of knowledge unfolds from passion as such. But it is not all about passion. Courage and faith, too, are not properties of intelligence. Intelligence needs a partner and a strong partner. A different foundation is needed than that on which intelligence is based. The human drama consists in that of the whole arsenal at the disposal of *homo sapiens*, reason seeks to leave only itself, eliminating all else, passion and faith alike. Intelligence is jealous and proud. Its programme is to prevent *metanoia*, an event of self-determination, discounting everything that is not itself, all that intelligence fears because it does not understand it. It is your brain that fails to understand, “but you, human, must aspire to understand and dare to savour!” — one hears the voice of the ancients.

Surprisingly, some people once wrote to me that the verb “to know” is not perceived as a call to action, asking me to add a more “active” verb. Honestly, I was puzzled. But then the fact that the missive came from the Mos-

⁵ The coffers of Latin have two verbs that denote the presence of taste in an object: *gusto* and *sapio*. But it is in *sapio* that, beginning from archaic texts, figurative meanings pertaining to intellectual activity predominate (cf. Grosheva, 2011).

Поразительно, но мне однажды написали, что глагол «знать» не воспринимается как призыв к действию, и просили добавить другой — «деятельный» — глагол! Честно, я даже опешил. Хотя то, что это происходило в Московской школе управления, многое объясняет. По мне, «знать» — это не просто глагол. Этот глагол звучит, как выстрел! В нем слышится призыв к поступку. В определенных фразах это практически готовый поступок! (Именно таково звучание кантовского эссе.) Знать, возможно, — самый непростой поступок, наиболее рискованный. Например, попробуй знать, кто ты есть на самом деле. Усомнись-ка во всем, что тебе дорого, проведи не один месяц на пути к разоблачению себя. Или посмей знать, как в действительности устроена власть! Рискуй знать имена ключевых бенефициаров — сунь нос в дела властителей. Попробуй нести знание о повседневности пыток в учреждениях, зачем-то в насмешку названных пенитенциарными. Посмей знать исповедальную правду, когда слушаешь ее сердцем, а не только по службе. Найди в себе мужество сохранить веру и преданность церкви, зная дела иерархов.

Ведь знание не только сила. Знание — это еще и наказание. Знание в себе самом несет расплату за знание. Знание горько. Поэтому знание подразумевает призыв, в котором слышится «*мужество знать*». Знать такое, чего не хочется знать, что боязно знать. Именно поэтому подлинное знание в корне негуманно. Оно не потакает человеку. Оно не заботится о его удобствах. Оно не похоже на устав хосписа, учреждения максимальной заботы об уходе за человеком. Оно исходит из жесткой правды, что каждый несовершеннолетний человек свое «благо» понимает превратно. И потому знание гонит человека, «посохом гонит железным» — гонит к совершеннолетию.

Все это другая важнейшая сторона власти знания — где боль, риск, мужество и в итоге седая голова.

Не только человек благодаря знанию обретает власть — таково общее мнение интеллектуалов Европы еще до всякого Просвещения. Но и

cow School of Management explains a great deal. I, for one, think that “to know” is not just any verb. It sounds like a shot. It contains a call to action. In certain phrases it is practically an act (such is the character of Kant’s essay). To know is perhaps the most difficult act, fraught with risks. Try to know what you really are. Call into question what is dear to you, spend months exposing yourself. Or dare to know how power really works. Venture to know the names of key beneficiaries, poke your nose into the affairs of rulers. Try to tell people about the routine use of torture at institutions which are, ironically, called penitentiary. Dare to know confessional truth when you hear it with your heart and not just in the line of duty. Find the courage to preserve your faith and loyalty to the church, knowing the doings of the church hierarchs.

Knowledge is not only strength. It is also punishment. Knowledge in itself carries payment for knowledge. Knowledge is bitter. Knowledge implies a call in which one hears “*the courage to know*”. To know what you would rather not know, what you are afraid to know. That is why genuine knowledge is inherently inhumane. It does not indulge your ego. It does not care about comfort. It is not like the charter of a hospice where what matters is to care for a dying person. It proceeds from the stark truth that an immature person has a biased notion of what “good” is. That is why knowledge drives man “with an iron staff”⁶ toward maturity.

All this is the flip side of knowledge which implies pain, risk, courage and, eventually, gray hair.

Not only does the human being gain power from knowledge, which Europe’s intellectuals had known since before any Enlightenment.

⁶ From Alexander Blok’s poem “*Is Everything Calm Among the People?*” (1903). — Editor.

знание приобретает власть над человеком — то, что было осознано и отработано в философских текстах XX в. Поэтому знать — это мужество. Поэтому знать — это мужество подчинения себя дисциплине и себя же господствующим смыслам. Этот дерзкий транзит из-под опекуна (фигуры поистине зловещей) эвристично обсуждать как переход из-под власти авторитета под власть знания. Правда, нужно помнить, что знание может обернуться куда более тонким и беспощадным рабством. И именно поэтому данный переход требует включить опцию, которая раньше оставалась выключенной, а именно *опцию критического мышления*. Это и есть искомое совершеннолетие.

Для более полного схватывания смыслового поля девиза Просвещения важна предшествующая строчка из гекзаметра Горация: «*Тот уж полдела свершил, кто начал*». В ней так и слышатся нотки подбадривания. Прием известный, применяемый в ситуациях, когда распознается нерешительность или даже трусость одной из сторон. Эта интонация усиливала позицию Канта и давала ему дополнительное право полагать, что *робость* — одна из главных причин существующего положения дел! Робость легко превращается в *трусость*, о которой с первых строк без обиняков заявляет Кант. Заметим, что другой известный *ambassador* программы Просвещения, француз Вольтер, высказывался не менее резко, что, мол, самое скверное в порядочных людях — это трусость. Ох уж эти люди, которые бранятся, возмущаясь несправедливостью, затем выдыхаются, умолкают, садятся ужинать, ложатся спать и все навсегда забывают... Механизм вытеснения всех «*порядочных людей*», как сказал бы несколько позже венец Фрейд.

Но в строке «*полдела свершил, кто начал*» также слышны интонации сердечной заботы как раз о тех, кто в ней все еще нуждается, ведь речь идет о несовершеннолетних, которым нужно решиться и начать. Им же адресовано и сакраментальное *incipere*, здесь — «*начинай!*»: начинай мыслить!

Knowledge acquires power over the human being, as has been learned and described in twentieth-century philosophical texts. Thus, to know takes courage. Because to know means to have the courage to submit to discipline and at the same time to the dominant meanings. It is a bold transition from under a guardian (a truly sinister figure) which can heuristically be discussed as transition from under the power of authority to the power of knowledge. True, one has to bear in mind that knowledge may turn out to be a far more subtle and ruthless slavery. That is why this transition involves switching on an option which previously was switched off, namely *the option of critical thinking*. This is the coveted maturity.

For a better grasp of the Enlightenment motto the preceding phrase in Horace's hexameter is important: "*Well begun is half done*". In it one hears notes of encouragement. A well-known expedient used when there is an awareness of indecision or even cowardice of one of the parties. This intonation bolstered Kant's position and gave him extra justification for claiming that *timidity* is one of the main causes of the existing state of affairs. Timidity easily turns into *cowardice* which Kant mentions expressly from the very first lines. Incidentally, the Frenchman Voltaire, another famous *ambassador* of Enlightenment's programme, was equally forthright in noting that the worst thing about decent people is their cowardice. Ah, these folks who curse injustice, then run out of steam, fall silent, sit down to supper, go to bed and forget everything for good... This is a repression mechanism all "decent people", as Freud would say a little later.

But the words "*Well begun is half done*" carry echoes of concern for those who need it, for these are immature people who have to decide and begin. The sacramental *incipere* (which here means "begin!" i.e. "begin go think") is addressed to them.

Антропология Просвещения: виновные должны быть названы

Второй абзац эссе начинается со звонкой пощечины читателю: «Леность и малодушие — вот причины...» (AA 08, S. 35; Кант, 1994а, с. 127). Нет, Кант никому не позволит спрятаться или свалить вину за свое положение на «преступные» общественные институты, или дурное воспитание, или на школы, в которых кому-то забыли привить способность к самостоятельному суждению. «Леность и малодушие» возвращают полноту ответственности за сложившееся положение дел самому человеку. Эти горькие слова есть суд над человеком. Они — обличение человека как такового, что поперек горла многим просветителям, чей дискурс строился на критике общественных отношений. Здесь нужно правильно понять ситуацию: никто не снимает с повестки пункт о справедливости и гуманности общественных отношений, но Кант указывает на такое положение дел, где вина лежит на индивидуе, а не на институте.

Итак, «Леность и малодушие — вот причина того, почему многие люди [здесь Кант явно смягчил положение дел, предлагается читать “почти все”], уже после того как природа освободила их от чужого руководства [то есть по достижении физиологического совершеннолетия], все же охотно остаются на всю жизнь несовершеннолетними [заметим, “охотно”! не скрепя сердце, не проклиная несправедливую судьбу, напротив, охотно! и еще заметим: “на всю жизнь” — нет, не то чтобы хотелось подзадержаться со своим совершеннолетием, отложить его на потом, когда наступят благоприятные условия, накопятся силы, — все эти знакомые уловки человеческого малодушия, — но нет! Кант утверждает следующее: человек ленится и малодушничает на протяжении всей оставшейся жизни!] и почему другие так легко присваивают себе право быть их опекунами [именно «легко», ведь при таких малодушных опекаемых и опекуном стать — раз плюнуть. Кант все же характеризует это действие как «присво-

The Anthropology of Enlightenment: The Culprits Must Be Named

The second paragraph of the essay begins with a resounding slap in the reader's face: “Idleness and cowardice are the reasons [...]” (WA, AA 08, p. 35; Kant, 2006, p. 17). No, Kant would not allow anyone to hide or shift the blame for one's situation on to “criminal” social institutions, or ill-breeding, or schools which have forgotten to instil the capacity for independent judgement in some pupils. “Idleness and cowardice” return the responsibility for the prevailing state of affairs to the human being. These bitter words are an indictment of humans. They expose them as such, which goes against the grain for many enlighteners whose discourse was based on criticism of social relations. Make no mistake: no one strikes off the agenda the point about justice and the humanness of social relations, but Kant is referring to the situation where the individual and not the institution is to blame.

So, “Idleness and cowardice are the reasons why such a large segment of humankind [Kant obviously pulls his punches, read: ‘almost everyone’] even after nature has long since set it free from foreign direction [i.e. those who have reached physiological maturity], is nonetheless content to remain immature for life [note ‘content’, not against their will, not cursing ill fortune, on the contrary, content, and note also ‘for life’ — not that they would like to put their maturity on hold, postpone it until conditions are favourable, and they grow stronger — all the familiar tricks of human cowardice — no, Kant maintains the following: the human being is idle and cowardly for the rest of his/her life] and these are also the reasons why it is so easy [‘easy’ because it is as easy as pie to become a guardian to such cowards. Even so, Kant characterises this act as ‘setting themselves up’: others easily appropriate the right of guardianship

ение»: другие легко присваивают право опеки только потому, что никакого сопротивления, по сути, нет — напротив, есть тайная или явная благодарность за снятие с опекаемых груза ответственности]» (Там же). И далее, сокрушаясь в сердце своем, немецкий философ восклицает: «Ведь так удобно быть несовершеннолетним!» (Там же). Здесь я бы и сам проявил малодушие, если бы, подхватив мысль, не воскликнул: «А кто бы знал, насколько удобно оставаться опекуном!»

Следовательно, речь идет о явном тандеме опекунов и их чад, когда те и другие суть две стороны одного несовершеннолетия. Опекуны — ключевой элемент давно сложившейся игры. Так задолго до Эрика Берна кёнигсбергский мыслитель описал схему игр, в которые с таким самозабвением играют взрослые (Берн, 1988). Конечно, и календарно, и юридически все они взрослые, да вот по факту своей игры — скорее несовершеннолетние участники патерналистских отношений. И пусть в меня бросают камни с обвинением в психологизации текста Канта, но анализ несовершеннолетия допускает, а возможно, даже требует такого подхода.

Пойдем дальше, туда, где Кант выражается еще беспощаднее, буквально отвешивая оплеуху владельческому классу: «Мне нет необходимости мыслить, если только я в состоянии платить...» (Там же). Жестко! Признаюсь, что свои выступления, посвященные такому специфическому предмету, как «проблема», перед управленцами, собранными в Сколково, я также начинаю с задевающей аудиторию сентенции: если вы, уважаемые руководители, свои проблемы в состоянии купировать деньгами, знайте, это не проблемы — это расходы. А так как большинство из вас распоряжается не собственными деньгами, а казенными или корпоративными, то вы не просто *можете*, вы основательно привыкли так называемые «проблемы» купировать расходами. И только если вы почему-то захотите эту практику сломать (то есть непременно нажать себе «проблемы» другого рода), только тогда вам нужно мышление.

because they meet with no resistance; on the contrary, they meet with sneaking or open gratitude for relieving the charges of the burden of responsibility] for others to set themselves up as their guardians” (*ibid.*). And further, with a heavy heart Kant exclaims: “It is so comfortable to be immature[!]” (*ibid.*). At this point I myself would act as a coward if I took the cue and said: “And do you know how comfortable it is to be a guardian!”

Consequently, we are looking at a tandem of the guardians and their charges where both are two sides of the same immaturity. The guardians are the key element in a long-established game. Thus, long before Eric Berne (1964), Kant described the game which adults play with such abandon. Granted, they are all grown-ups by the calendar and legally, but from the game they play they are more like immature partners in paternalistic relations. I do not mind if some people throw stones at me for giving Kant’s text a psychological twist, but analysis of immaturity permits, and probably requires such an approach.

Let us move on, where Kant is even more unsparing, delivering a slap in the face to the wealthy class: “It is not necessary that I think if I can just pay” (*ibid.*). Hard-hitting stuff! I have to confess that, when I speak to managers gathered in Skolkovo on such a specific matter as a “problem”, I too begin with a provocative sentence: if you gentlemen can settle problems with money, make no mistake, these are not problems but costs. Now, since most of you handle not your own, but government or corporate money, you do not just have an *option* to settle “problems” with money, you do it routinely. The only time you need to think is when you decide, for some reason, to put an end to this practice (and thus certainly get “problems” of a different kind). This is precisely what Kant says: you have no need to think if you can afford to pay, and let others engage in “such irk-

Об этом говорит и Кант — вам нет необходимости мыслить, когда вы в состоянии платить, — и пусть другие займутся за вас «этим докучливым делом» (Там же). Это практически евангельский тезис — невероятная переключка с притчей о верблюде, проходящем сквозь игольное ушко (Мк. 10: 25), — удобнее верблюду, нежели тому, кто при деньгах, войти в мышление.

Итак, первым делом вменив личную вину несовершеннолетнему, Кант далее указывает на вину другой стороны прочного тандема — вину опекунов: «То, что большинство людей... считает не только трудным, но также и весьма опасным переход к совершеннолетию, — об этом уж позаботились те опекуны, которые столь любезно взяли на себя верховный надзор над ними» (AA 08, S. 35; Кант, 1994а, с. 127). Здесь Кант, пожалуй, ехиден: «столь любезно взяли на себя надзор». Для знакомых с наследием Фуко сия фраза воспринимается скорее как обвинение, ибо за ней проглядывает скрытый мотив опекуинства — оформление отношений опекуинства в целях надзора, а через шаг — и наказания.

Неожиданно Кант становится еще более беспощадным, решившись на аналогию с домашним скотом, вот буквально: «После того как они сначала довели до оупения свой домашний скот и заботливо оберегли его от того, чтобы эти смирные создания осмелились сделать хоть один шаг без опеки, которой они их окружили, — после всего этого они указывают им на опасность, грозящую в том случае, если те попытаются ходить самостоятельно» (AA 08, S. 35; Кант, 1994а, с. 127–129) — это жесткое обвинение опекунов в том, что метод, отработанный на скоте, оказался перенесен на общество. Рецидивы такой заботы сегодня можно встретить в самых неожиданных местах — например, в любом казенном учреждении здравоохранения в форме инструкции: «Пациенты, не занимайтесь самолечением». «Забота», — скажет врач. «Порядок», — подтвердит медицинский клерк. Они, конечно, правы, но ведь отныне все, что не от врача, то и преступно. Ваши решения по отношению к собственному телу, которые не санкционированы дипломирован-

some business” for you (*ibid.*). It is a Gospel thesis, an incredible rhyming with the parable about the camel who goes through the eye of a needle (Mark 10:25), it is easier for a camel than for a moneyed person to enter into thinking.

Thus, having imputed personal guilt to an immature person, Kant then points to the guilt of the other side of the tandem, the guilt of the guardians: “The guardians who have kindly assumed supervisory responsibility have ensured that the largest part of humanity [...] understands progress toward maturity to be not only arduous, but also dangerous” (WA, AA 08, p. 35; Kant, 2006, pp. 17-18). Kant is probably tongue-in-cheek here: “[...] have kindly assumed supervisory responsibility [...]”. For those familiar with the legacy of Foucault, the phrase sounds more like a charge, for there is a glimpse here of the hidden motive of guardianship, and that is formalising the relationship of guardianship for the purpose of supervision, from where it is but a step to punishment.

Kant then suddenly becomes even more aggressive and draws an analogy with domestic cattle: “After they have first made their domesticated animals dumb and carefully prevented their tame creatures from daring to take a single step without the walker to which they have been harnessed, they then show the danger that threatens them, should they attempt to walk alone” (WA, AA 08, p. 35; Kant, 2006, p. 18). This amounts to accusing the guardians of applying to society the method tried out on cattle. Examples of such solicitude crop up in the unlikeliest of places. Consider the warning you can see in any healthcare institution: “Do not engage in self-treatment.” “Concern”, the doctor will say. “Order”, the desk clerk will echo. Fair enough. But from now on all that does not come from the doctor is criminal. Your decisions concerning your own body, not sanctioned by a certified doctor, are against

ным врачом, ненормативны. Потому что знание о теле, любом теле, присвоено врачебным цехом. Оно — это знание — так сложно, что недоступно вне системы специального посвящения. Не посвящен — не легитимен ни в высказываниях, ни в действиях. Здесь нужно зафиксировать тот факт, что *концепт Просвещения противостоит концепту посвящения!*

Итак, в тотально воспроизводимой заботе правды нет. Она, как ни боязно, в другом — в том, что «после нескольких падений они [опекаемые] научились бы ходить» (AA 08, S. 35–36; Кант, 1994а, с. 129). Этот «подвиг веры» совершает любое двуногое существо в самом начале жизни — встает, падает, вновь встает и вновь падает и в конце концов, на радость сбежавшихся посмотреть родственников, начинает робко ходить. Потом смело. Затем бегать, прыгать, кувыряться и даже, может, в будущем научиться летать и нырять, то есть освоит непривычные для прямоходящего млекопитающего среды обитания. Но почему-то в деле, оказавшемся под прицелом Канта, все не так! Почему? Что именно делает людей «нерешительными»? За счет каких уловок всех нас отваживают или отпугивают «от всяких дальнейших попыток»? Ответ есть в тексте Канта: путем страха и опеки (и, добавим, их любимой дочери госпожи безопасности). Можно написать отдельную статью о современных форматах безопасности, возникающих как изошренные практики опекунов, а также отметить, что после введения в действие того или иного ограждающего правила, обычно под грифом временной меры, в дальнейшем про условие временности все ответственные лица «забывают» настолько, что более никому не хватает мужества ранее введенные ограничения отменить. Однажды введенное институционализируется и далее присутствует «ныне и присно и во веки веков».

Более нельзя отделаться от ощущения, что речь у Канта идет о двух сторонах всякого человека и каждого общества. Что опекуны — такие же несовершеннолетние, как и ими опекаемые. Что те, кто доводят свой скот, своих детей, своих студентов, своих подчиненных, наконец своих

the norm. Because knowledge of the body, any body, has been appropriated by the medical trade. This knowledge is so complex that it is inaccessible to those outside the professional system. If you are not initiated, what you say and do is not legitimate. This is a fact to be registered: *the concept of Enlightenment opposes the concept of initiation.*

So, there is no truth in totally reproduced solicitude. The truth, however frightening, lies elsewhere: “they [the charges] would, after falling a few times, eventually learn to walk alone” (WA, AA 08, pp. 35-36; Kant, 2006, p. 18). This “act of faith” is performed by every biped at the beginning of life: rise, fall, rise again and fall again until at last, to the joy of relatives, the child begins to walk. First timidly, then bravely. Then to run, jump, and tumble and perhaps to fly and dive, i.e. to act in environments not customary for erect-walking creatures. However, for some reason, in the case described by Kant things are not like this. Why? What makes people “timid?” What tricks are used to wean and scare us away “from all further attempts?” The answer is to be found in Kant’s text: fear and guardianship (and, we may add, their beloved daughter, security). One could write a separate article about modern formats of security arising as sophisticated practices of guardianship, and note that, after this or that safeguarding rule is introduced, usually as a temporary measure, subsequently all the people responsible “forget” that it is “temporary” so thoroughly that no one has the courage to lift the restrictions introduced. What is once introduced is institutionalised and remains in place “now and ever and unto the ages of ages”.

One cannot get rid of the feeling that Kant is referring to two aspects of the human being and society. That the guardians are as immature as their charges. That those who make their cattle, their children, their students, and

граждан до «отупения» — они и сами поразительно тупы! («Король туп!» — прокричал детский голос, ранее воскликнувший, что король гол!) Да, опекуны в полной мере «малодушны» в своем несовершеннолетии. Ведь именно такой массовый антропотип своими предпочтениями порождает специфическое политическое тело, именуемое патернализмом. *Патерналистское тело* состоит из всех тех, кто жаждет быть опекунами или опекаемыми. В него собрались все, кому такой тип отношений «приятен». Именно это слово — «приятно» — Кант употребляет в следующем абзаце: «Итак, каждому отдельному человеку трудно выбраться из состояния несовершеннолетия, ставшего для него почти естественным. [Последнее слово фразы важно, ибо оестествление бетонирует реальность. То, что оестествилось, трудно даже критиковать, а уж менять — так и подавно.] Оно ему даже *приятно*, и на первый взгляд он действительно не способен самостоятельно пользоваться своим собственным рассудком...» (AA 08, S. 36; Кант, 1994а, с. 129; курсив мой. — С.Г.). Кант не зря употребляет словосочетание «на первый взгляд» — он устал обличать благоразумную заботу опекунов и их ссылки на «очевидность». И далее мы читаем настоящий приговор патернализму: человек не способен, «так как ему никогда не позволяли сделать подобную попытку» (Там же). Как же просто изъять свободу у того, кто рад ею поделиться! Ему же так «приятно», ему после этого настолько комфортно и безопасно, что он в целом счастлив. И как же трудно свободу вернуть! Если такое желание все же возникнет у опекаемого.

Как развивает свою мысль Кант дальше? Он, по сути, своими словами описывает знаменитый платоновский миф о пещере: «положения и формулы... являются кандалами, удерживающими в постоянном несовершеннолетии. Даже тот, кто сбросил бы их, сделал бы всего лишь неуверенный прыжок через небольшую канаву, потому что он не привык к такого рода свободному движению. Поэтому лишь немногим удалось выбраться... и обрести уверенную

their subordinates and finally their citizens “dumb” are themselves amazingly stupid (“The king is dumb!” shouted a child’s voice which earlier exclaimed that the Emperor had no clothes). Yes, the guardians are “cowardly” in their immaturity. It is this massive anthropological type that by its preferences engenders the peculiar political body called paternalism. The paternalistic body consists of all those who yearn to be guardians or their charges. In the following paragraph Kant uses the expression *fond of*: “It is thus difficult for any individual to work himself out of the immaturity that has almost become second nature to him. [The last word is important because naturalisation cements reality.] He has even become *fond of* it and is, for the time being, truly unable to make use of his own reason” (WA, AA 08, p. 36; Kant, 2006, p. 18; my italics — S.G.). It is not for nothing that Kant uses the word combination “for the time being”. He grew tired of exposing the well-meaning care of the guardians and their protestations that “it is obvious”. And then we read a veritable indictment of paternalism: the human being is unable to think independently “because he has never been allowed to try it” (*ibid.*). It is so easy to take away freedom from someone who is glad to give it away. He has become “fond of” immaturity, he is so comfortable and safe as to be happy all round. And it is so difficult to retrieve freedom, were one to decide to get it back after all.

How does Kant develop his idea? In effect, he renders in his own words Plato’s myth about the cave: “Statutes and formulae [...] are the shackles of a perpetual state of immaturity. And whoever would throw them off would nonetheless make only an uncertain leap over even the narrowest ditch, because he is not used to such freedom of movement. Hence there are only very few who have succeeded [...] in emerging [...] and who still walk confidently” (*ibid.*). Here we find the image of

походку» (Там же). Здесь считается и образ сковывания тела (цепи, кандалы), и указание на то, что сковывание осуществляется преимущественно когнитивными средствами (положения и формулы), и что мало оковы стряхнуть с себя, еще нужно вернуть себе движение, которое вырабатывается только в практиках свободы (свободное движение), и что немногие выбирают (здесь особенно слышатся интонации Платона: да, немногие выбирают из пещеры к свету) и немногие же, выбравшись, обретут свободную уверенную походку. Но здесь также имплицитно присутствует еще одна мысль: важно не только выбраться самому, но и помочь другим, а для этого нужно самому после того, как выбрался, предложить новые формы (неужели?) опекунов над теми, кто точно нуждается в помощи и совете.

Зададимся вопросом: благодаря чему этим немногим удалось выбраться? Кант дает свой ответ: «благодаря совершенствованию своего духа» (Там же). Это очень важный отрывок для тех, кто привык работать в модальности различения ума и духа. Не в рассудке, не в разуме, но где-то в другом месте — здесь: в «духе» — кроется мужество. Не в рассудке формируется намерение. Но в духе сокрыта воля к преодолению лености, той самой, с обличения которой начинается эссе Кант. Так и слышатся поощрительные голоса: «Было бы мужество, а ум приложится!», «Ум в этом деле не первая скрипка», «Совершенствуй свой дух, и будет тебе мужество во всех случаях пользоваться собственным умом!»

Краткий итог раздела: мастерство опекунов растет, формы опекунов совершенствуются. Несовершеннолетние опекаемые получают все больше институционального сопровождения (со стороны ведомств, цехов, государства в целом, но и гражданского общества) и заодно гуманного оправдания своей слабости. Отныне трусость нельзя назвать трусостью, лень нельзя назвать ленью, ведь все это оскорбляет чьи-то чувства. Мужество — явно устаревшая добродетель, к тому же пахнущая сексизмом. *Тогда на что наше упование и в чем наша Надежда?*

enchaining the body (shackles), and an indication that the shackling is done mainly by cognitive means (statutes and formulae), and that it is not enough to shake off the shackles, one should retrieve “freedom of movement”), and that only a few “emerge” from the cave (Plato’s intonation is clearly heard here: yes, only a few emerge from the cave into light) and only a few will then still walk confidently). Another idea implicitly present here is that it is important not only to emerge oneself, but to help others, and to this end after emerging one should offer new forms of guardianship (how so?) for those who definitely need help and advice.

Let us ask the question, what enabled these few to emerge? Kant’s answer is: “their own intellectual toil” (*ibid.*). This is a very important passage for those who are used to distinguishing between mind and intellect. Courage does not reside in reason or understanding, but in some other place, in the intellect. Intent is not formed in understanding. The will to overcome idleness, with whose exposure Kant begins his essay, resides in the intellect. One almost hears the words of encouragement: “As long as you have courage, the mind will take care of itself”, “The mind does not play first fiddle here”, “Improve your intellect and you shall have the courage always to use your mind”.

To conclude this section: the guardians’ skill is increasing, forms of guardianship are improving. Immature charges get more and more institutional support (on the part of agencies, industries, the state as a whole, but also from the civil society) and, for good measure, humanitarian justification of their weakness. From now on cowardice cannot be called cowardice, idleness cannot be called idleness, for all this hurts the sensibilities of some people. Courage (manliness) is clearly an outdated virtue, and besides it smacks of sexism. *What then can we hope for?*

Свобода как условие всеобщего взросления

Идя вслед за Кантом, можно обнаружить следы замысла переворота, достойного Лютера: «...однако, более чем возможно, что публика сама себя просветит, а если только предоставить ей свободу, так это почти неизбежно...» (Там же). Неизбежно или почти неизбежно — в этом кроется надежда. Но больший интерес представляет выражение «сама себя». Как публика может сама себя просветить? Что этот ход нам напоминает? Здесь, конечно, слышится девиз реформации — *Sola scriptura*. Лютер настаивал, что Писания достаточно именно в силу того, что оно само себя трактует. Ведь по милосердию Всевышнего мы имеем дело с живым саморазворачиваемым Словом Божиим. Так что публика обладает (на этом настаивает Кант) такой же силой саморазворачивания мысли, как и специально подготовленные люди, если только предоставить ей в этом элементарную свободу.

Но есть еще один фактор роста, он же — «слабое звено» в рабской цепи несовершеннолетия: «...так как даже среди поставленных над толпой опекунов всегда найдется тот, кто мыслит самостоятельно и кто сам, сбросив с себя иго несовершеннолетия, распространит вокруг дух разумного уважения собственного достоинства и призвания каждого человека мыслить самостоятельно» (Там же). Кант вновь возвращает нас к образам платоновского мифа. Тот, кто, как и все, сидит в цепях и взирает на стену пещеры с пляшущими тенями, может обернуться. Он может осознать, что жил в перевернутом мире. Такой сможет встать и сбросить цепи, выйти на свет и при этом не ослепнуть, а после, возможно, он будет склонен проникнуться милосердием к оставшимся внизу и вернуться, чтобы напомнить рабам о свободе. Такой не похож на нового опекуна, ибо открывает Истину и напоминает о возможности практиковать свободу. Это непростой путь. И очень смелая Надежда!

Freedom as Condition of Universal Adulthood

Following Kant, we discover traces of a plan to bring about a turn worthy of Luther: “It is much more likely that an entire public should enlighten itself; indeed it is nearly unavoidable if one allows it the freedom to do so” (*ibid.*). Unavoidable or nearly unavoidable: herein is the hope. But even more interesting are the words “enlighten itself”. How can the public enlighten itself? What does it remind us of? One hears the voice of the Reformation here: *Sola scriptura*. Luther maintained that the Gospel is sufficient because it interprets itself. By the grace of God we are dealing with the Word of God so that the public has (Kant insists) the same power of self-unfolding of thought as specially trained people, if only it is given elementary freedom.

But there is one more growth factor, which is also the “weak link” in the slavish chain of immaturity: “For there will always be some independent thinkers even among the appointed guardians of the great masses who, after they themselves have thrown off the yoke of immaturity, will spread the spirit of rational appreciation of one’s own worth and the calling of every human being to think for himself” (*ibid.*). Kant takes us back to the images of Plato’s myth. He who is sitting in chains, looking at the flickering shadows on the wall of the cave, can turn around. He may become aware that he has lived in an inverted world. He may then arise and shake off the chains, emerge into light and not be blinded and then, perhaps, he would be inclined to become imbued with charity toward those who stayed down below and return in order to remind the slaves of freedom. He will not be like a new guardian for he reveals the Truth and reminds people that freedom can be practised. This is an arduous path. And a very bold hope!

Та же мысль, высказанная на языке эссе: толчок освобождения должны произвести опекуны, кто-то из них, кто начал с себя, тот, кто осознал собственное несовершеннолетие опекуна, кто готов встретиться с последствиями своего же опекуинства — ненавистью толпы, которая будет требовать *status quo*. О последнем препятствии прямо предупреждает Кант, причем с предикатом «особенно следует иметь в виду», буквально: «Особенно следует иметь в виду, что публика, ранее приведенная [опекунами] в состояние угнетения [опекуинства], затем заставит и их самих оставаться под игом». И далее несколько нравоучительно, но справедливо: «Вот так вредно насаждать предрассудки, потому что в конце концов они мстят [за себя] тем, кто породил их...» (АА 08, S. 36; Кант, 1994а, с. 129–131).

Следующая мысль не выделена даже в отдельный абзац. Хотя, на мой взгляд, это не рядовой выпад в сторону модного тогда революционного духа, которым взахлеб восхищались юные студенты Тюбингена. Кант за пять лет до Великой французской революции предупреждает: «Посредством революции можно добиться, пожалуй, устранения личного деспотизма, а также угнетения со стороны корыстолюбцев или властолюбцев, но никогда нельзя осуществить истинного преобразования образа мышления; новые предрассудки, так же, как старые, будут служить помочами для бездумной толпы» (АА 08, S. 36; Кант, 1994а, с. 131). Либо мы этот отрывок отнесем к очередному свидетельству «политкорректности» университетского мыслителя, либо сочтем тезисом его политической философии — признаем в качестве указания на такую подлинную цель любых общественных преобразований, как «истинное преобразование образа мышления» (в противном случае «новые предрассудки, так же, как старые, будут служить помочами для бездумной толпы»). Таков путь всеобщего взросления, когда важно преобразовать мышление! К тому же, в качестве утешительного бонуса, для такого типа Просвещения «не требуется ничего, кро-

We find the same idea expressed in the language of the essay: the first impulse toward liberation should come from the guardians, those of them who have begun with themselves, those who have become aware of their own immaturity and who are prepared to face the consequences of their guardianship, the anger of the crowd which will demand preservation of the *status quo*. Kant expressly warns of the latter obstacle with the prefatory words “What is particularly noteworthy here is that the public that had previously been placed under this yoke may compel its guardians themselves to remain under this yoke [...]”. And further, a little moralisingly but fairly: “So harmful is it to instil prejudices, for they ultimately avenge themselves on their originators [...]” (*ibid.*).

The next idea is not even marked by a new paragraph and yet, in my opinion, it is not just another thrust against the revolutionary spirit fashionable at that time, which enthused the young Tubingen students. Five years before the Great French Revolution Kant issues this warning: “A revolution is perhaps capable of breaking away from personal despotism and from avaricious or power-hungry oppression, but it can never bring about a genuine reform in thinking; instead, new prejudices will serve as a guiding rein for the thoughtless masses” (*ibid.*). We can either ascribe this passage to the “political correctness” of a university thinker or treat it as a thesis of his political philosophy and an indication of the genuine goal of all social transformations, such as “a genuine reform in thinking” (otherwise “new prejudices will serve as a guiding rein for the thoughtless masses”). Such is the path of universal growing up when it is important to transform thinking. Besides, as a consolation bonus, “nothing but freedom is required for this enlightenment. And indeed it is the most harmless sort of free-

ме свободы, причем [свободы] самой безобидной». И что это за свобода? — спросит читатель. Свобода «во всех случаях *публично пользоваться* собственным разумом» (Там же)!

В дальнейшем из текста становится понятно, что Просвещение есть такое состояние дел, когда допускается и культивируется абсолютная свобода в части публичных высказываний, но строго с определенной позиции — позиции ученого. Эту позицию в состоянии занять и офицер, и священник, и налогоплательщик (типовые фигуры кантовского рассуждения), которые в области своего частного позиционирования обязаны подчиняться. Здесь на языке нашего времени удобнее было бы сказать «служебного», а не частного; ведь один находится на службе армейской, другой — церковной, третий — в состоянии гражданства или подданства, но также может оказаться на государственной службе. И вот что важно: именно это — условие, благодаря которому система в состоянии меняться не революционно, в смысле смены общественного строя через практики насилия над представителями господствующего класса, а по существу, что специально оговаривает Кант. Система готова меняться тогда, когда каждый в состоянии различить две позиции — служебную (или частную) и публичную (или ученую).

Итак, вслушаемся в этот безусловно контрреволюционный тезис: революция как общественный переворот не в состоянии затронуть и поменять сущностные характеристики человечества, в частности его укорененное несовершенство. В третьем десятилетии XXI в. мы можем смело заявить: все известные нам попытки создания «нового человека» оказались революционной болтовней. Кант смотрит в корень, и ему нет необходимости два века дожидаться результатов социальных экспериментов, поэтому он ищет решение вне так понимаемой революции, о чем и ставит читателя в известность. А вот само различение двух позиций, где в одной нужно уметь подчиняться, а в дру-

dom [...]”. What sort of freedom? the reader may ask. The freedom “to make *public use* of one’s reason in all matters” (*ibid.*)!

As the text continues it becomes clear that Enlightenment is a state of affairs where absolute freedom of public speech is allowed and encouraged, but only strictly from the position of a scientist. This position may be assumed by an army officer, a priest, a tax-payer (typical figures in Kant’s discourse) who must obey in the realm of their private position. In modern parlance it would be more appropriate to say “official” rather than private position: some are in the army, others in the church, yet others have the status of citizen or subject, but may also be in the civil service. The important thing is that this is the condition thanks to which a system can change, not in a revolutionary way, i.e. through change of the social system by means of violence toward the ruling class, but substantive change, the point that Kant stresses. The system is prepared to change when everyone can distinguish two positions: official (or private) and public (or academic).

Let us take a closer look at this obviously counter-revolutionary thesis: the social revolution cannot change the essential characteristics of humanity, notably its inherent immaturity. In the third decade of the twenty-first century we can safely say that all attempts to create “a new human” have turned out to be revolutionary claptrap. Kant looks to the root of things and he does not need to wait two centuries for the results of social experiments, so that he looks for a solution outside revolution conceived in this way; and he leaves the reader in no doubt about this fact. But distinguishing between two positions, one of which demands obedience and the other to have the courage to use one’s own reason, i.e. to contradict authority: this is the indispensable condition of maturity.

гой — иметь мужество пользоваться собственным рассудком, то есть противоречить, невзирая на любой авторитет, — это установка на обязательное условие совершеннолетия.

«Однако со всех сторон я слышу голоса: *не рассуждайте!* Офицер говорит: не рассуждайте, а упражняйтесь! Советник министерства финансов [видимо, главный мытарь]: не рассуждайте, а платите! Духовное лицо: не рассуждайте, а верьте! <...> Здесь всюду — ограничение свободы» (AA 08, S. 36–37; Кант, 1994а, с. 131). И вновь обратим внимание на логический ход Канта, который не указывает на «ограничение ума», но именно и только — свободы. Не свободы вообще, но свободы в публичной сфере!

Следовательно, необходимо ответить на вопрос: «...какое ограничение препятствует просвещению, а какое не только не препятствует, но даже содействует ему?» (AA 08, S. 37; Кант, 1994а, с. 131). То, что определенные ограничения могут содействовать свободе, — это эвристичный ход, позволяющий различить публичное и частное. Позиция ученого описывается как исследовательская (как мы бы сегодня ее назвали). В силу того, что каждый может обрести компетенцию исследователя и применить ее в частной жизни, он может и даже должен в публичной жизни делиться этим ради усовершенствования всех сфер общественного устройства, а значит, и служебного подчинения. Это звучит вполне в духе кантовского категорического императива.

В этом свете пример со священниками прост. Любой священнослужитель обязан читать проповеди, обучать закону божьему, служить требы — делать все это согласно требованиям своей конфессии, а также без обсуждений и тем более критики следовать положениям Символа веры. Ибо поп есть не сам по себе, но часть организационной машины сотериологической направленности. Священник служит конкретной церкви и на этом условии принят на службу. Одновременно при этом «выступая в качестве ученого, он располагает полной свободой

“But now I hear called out on all sides: *do not argue!* The officer says: do not argue, just drill! The tax collector [apparently, the main republican] says: do not argue, just pay! The clergyman says: do not argue, just believe! [...] Everywhere here there are limitations to freedom” (WA, AA 08, pp. 36-37; Kant, 2006, pp. 18-19). Note Kant’s logic: he never speaks about “limitations to reason” but only to freedom. Not freedom in general, but freedom in the public sphere.

Thus, we need to answer the question: “[...] what kind of limitation is a hindrance to enlightenment? And what kind of limitation is not, but rather even serves to promote it?” (WA, AA 08, p. 37; Kant, 2006, p. 19). That certain limitations may promote freedom is a heuristic move which makes it possible to distinguish the public and the private. The scientist’s position is described as that of a researcher (as we would describe it today). Owing to the fact that everyone can acquire research competence and apply it in private life, he can and even must share it in public life to improve all spheres of the public order, hence also of service subordination. This chimes in with Kant’s categorical imperative.

In this light the example with the priests is simple. Any cleric is obliged to deliver sermons, teach divinity, conduct services — do everything according to the requirements of his denomination and follow the provisions of the Symbol of faith without argument, let alone criticism. For the priest does not stand alone, but is part of an organisational machine of a soteriological kind. The priest serves a concrete church and has been employed on that condition. At the same time, “as a scholar he enjoys full freedom and is even called upon to communicate to the public all of his own carefully examined and well-intentioned thoughts on what is mistaken in that symbol, as well as his

и даже обязан сообщать публике свои тщательно проверенные и благонамеренные мысли об ошибках в упомянутом символе и свои предложения относительно лучшего устройства религиозных и церковных дел» (AA 08, S. 38; Кант, 1994а, с. 135). И нет в такой конструкции никакого конфликта, подчеркивает Кант, ведь если бы духовное лицо полагало, что в Символе веры или уставе церкви, которой он служит, содержится нечто находящееся в противоречии с его совестью, он должен немедленно снять с себя сан. Офицер или госслужащий точно так же обязаны уйти в отставку. Поэтому, как служащий в сане / должности, никто «не свободен и не может быть свободным, так как выполняет чужое поручение. Напротив, в качестве ученого, говорящего посредством сочинений с собственной публикой, а именно с миром... духовное лицо располагает неограниченной свободой пользоваться своим собственным разумом и говорить от своего собственного лица» (AA 08, S. 38; Кант, 1994а, с. 137). И это еще одна замечательная характеристика совершеннолетия — взятие ответственности в публичных выступлениях от своего лица.

Кант верит в человека, в его мужество, о котором и напоминает в сей просвещенный век. В конце трактата философ еще раз проговаривает важную мысль (видимо, специально для маловеров): «Люди сами выберутся... из невежества, если только никто не будет умышленно удерживать их в этом состоянии» (AA 08, S. 41; Кант, 1994а, с. 145). Сами! Пусть постепенно, скорее всего постепенно, но сами. Только уберите от них свои опекунские ручки! Но как можно добиться массового отказа от патерналистских отношений? Ведь всегда же найдется кто-то, кто посчитает нужным и даже милосердным, вполне оправданным и обоснованно разумным опекать слабого, незрелого, просящего, да и просто не готового к самостоятельной жизни. А кто готов, куда не начал? Никто! Вот поэтому Кант отсылает к горацевскому *incipe*: не дури, просто начни!

suggestions for a better arrangement of the religious and church-associated institutions” (WA, AA 08, p. 38; Kant, 2006, p. 19). Kant stresses that there is no conflict in this arrangement because if an ecclesiastic believed that the Symbol of faith or the statute of the church which he serves contained something that contradicted his conscience he should immediately resign holy orders. An officer or a civil servant likewise would have to resign. Therefore, as an employee holding office, he “is not free as a priest and indeed may not be free, because he is acting on a commission that comes from outside. As a scholar, on the other hand, who, through writings, addresses the true public, namely, the entire world, the clergyman, when making public use of his reason, enjoys unrestricted freedom in making use of his reason and in speaking from his own person” (WA, AA 08, p. 38; Kant, 2006, p. 20). This is another remarkable characteristic of maturity: assuming responsibility for public statements on one’s own behalf.

Kant has faith in the human being and his/her courage, and he reminds the enlightened age of this. At the end of the treatise he reiterates an important idea (apparently for people of little faith): “Human beings will [...] work their way out of their condition of brutishness, as long as one does not intentionally meddle in order to keep them in this state” (WA, AA 08, p. 41; Kant, 2006, p. 22). Free themselves! Not at once, probably gradually, but themselves. Only keep away these guardianship paws. But how to bring about a mass abandonment of paternalistic relations? After all, there will always be someone who would deem it necessary and even charitable, justified and reasonable to protect the weak, the immature, the begging and simply those who are unprepared for independent life. And who can be prepared until one has begun? No one. That is why Kant invokes Horace’s *incipe*: “Don’t be silly, just begin.”

Сложный рецепт Просвещения

Разговор не завершен, пока не затронут кантовский нарратив, обращенный к ключевой властной фигуре того времени. Скромный университетский профессор утверждает, что всякий суверен сам наносит «ущерб своему величию», когда подвергает «правительственному надзору сочинения, в которых его поданные пытаются уяснить свои взгляды» (AA 08, S. 40; Кант, 1994а, с. 141). Конечно, именно так и обстоят дела повсюду. Но мы можем надеяться на большее — представить государя, который, «будучи сам просвещенным» и наконец переставшим бояться «собственной тени», способен пойти на то, на что не отважились пойти лидеры «свободного государства» (например, Голландской республики), а именно — мы вправе ожидать Государя, осмелившегося заявить публично: «*рассуждайте сколько угодно и о чем угодно, только повинуйтесь!*» (AA 08, S. 41; Кант, 1994а, с. 145).

Но постойте! Ведь все прекрасно понимают, чем такие «свободы» заканчиваются. Свободные на публике рассуждения «о чем угодно» от лица кого угодно достаточно быстро приведут к массовому неповиновению, основанному на развращении нравов. То есть к стазису⁶. Поэтому такие свободы имеют смысл только в отношении весьма просвещенной публики, собственно подданных, уже вступивших в свое совершеннолетие и потому сочетающих строгое подчинение со свободным высказыванием.

Таким образом, налицо парадокс: *совершеннолетие требует предварительного предоставления свобод, а предоставление свобод, в свою очередь, требует уже совершеннолетней публики.* Ощущал ли Кант этот парадокс? Из текста эссе понять невозможно. Единственное, на что можно опереться, — на изначальный образ *Ausgang*. Ведь Исход из страны рабства осуществляется сразу всем народом с опекунами во главе. Исход — это усилие каждого. Это риск каждого.

⁶ Здесь уместно вспомнить Гоббса и соответствующий тематический том Агамбена в серии «*Homo sacer*» (Агамбен, 2021).

The Complex Recipe of Enlightenment

The conversation would not be complete without touching upon Kant's narrative concerning the key power figure of his time. The humble university professor maintains that every sovereign "diminishes his own majesty" by deeming "writings in which his subjects seek to clarify their insights worthy of supervision by his government" (WA, AA 08, p. 40; Kant, 2006, p. 21). This, of course, is the state of affairs everywhere. But we can hope for more — imagine a sovereign who, being "himself enlightened" and having stopped being "afraid of shadows", does what the leaders of "a free state" (e.g. the Republic of Holland) did not dare to do — we have the right to expect a sovereign who dares to declare publicly: "*argue as much as you want and about whatever you want, but obey!*" (WA, AA 08, p. 41; Kant, 2006, p. 23).

But wait a minute! Everyone knows full well how such "freedoms" end up. Free public arguments "about whatever you want" on behalf of whoever will quickly lead to mass disobedience as a result of corruption of *mores*. In other words, to *stasis*.⁷ So, such freedoms only make sense with respect to a highly enlightened public, subjects who have entered maturity and therefore combine strict obedience with freedom of expression.

We are thus faced with a paradox: *maturity has to be preceded by the granting of freedoms, and the granting of freedoms, in turn, demands a mature public.* Was Kant aware of this paradox? One cannot tell from the text of the essay. The only pointer is the initial image of *Ausgang*. Exodus from the land of slavery involved the whole people with the guardians at the head. Exodus is everyone's effort. It is a risk for everyone, including the Ruler. Therefore

⁷ It is not irrelevant to recall Hobbes and the corresponding volume of Agamben (2015) in the *Homo sacer* series.

В том числе и Правителя. Поэтому Кант производит своеобразный кенотический ход (здесь уместен язык теологии): через указание суверену на абсолютный образец в лице Того, кто выше всякого земного суверена. Это указание на действие, полное милосердия, совершаемое самим Творцом, который умалил Себя с целью создания «пустого места», пустого от Себя, для того чтобы мир или принципиальный Другой могли возникнуть. И вот Кант делает предложение Просвещенному Правителю, который в состоянии, осознав свой долг — долг самоограничения, принять меры, дабы высвободить место для публичных суждений и свободных действий своих подданных.

Но это еще не все смирение, которое вынужден явить тот, кто отдал себя в руки Просвещения. Правитель должен помнить римскую сентенцию — «*Caesar non est supra grammaticos*» (AA 08, S. 40; Кант, 1994а, с. 141), которая описывает важнейшее условие функционирования нового «просвещенного мира». Предположим, что мы имеем дело с указанием на наличие границ власти любого правительства, любых законодательных и исполнительных органов. Что же их ограничивает? — *власть мышления*, которая принципиально отделена от позиции и полномочий Правителя, более того, ограничивает их; еще более — которая в определенном смысле превышает оно. И главный из опекунов государства — суверен — должен иметь мужество ограничить свою собственную власть в области ученого знания, ибо Император не превышает Ученого, то есть того, кто устанавливает публичную норму, ссылаясь на Свет Разума.

Да, конечно, в любой просвещенный век «Император не превышает Ученого!» — Вот пойдди и скажи это ему сам!.. Задолго до нашего времени Платон продемонстрировал в Сиракузах, чем такие попытки обычно заканчиваются. На что тогда рассчитывает Кант, который сам-то ни в какие Сиракузы не плывал, да и в целом никогда не находил цели покинуть город и удалиться от берегов Прегеля? Что го-

Kant makes a kind of kenotic move (the language of theology is appropriate here) by presenting the sovereign with an absolute model in the person of Him who is above any earthly sovereign. He points to a charitable act performed by the Creator who belittled Himself in order to create “a vacancy”, a place where He is absent so that the world or a total Other could emerge. So Kant makes a proposal to the enlightened ruler who, realising his duty of self-limitation, is able to take measures to vacate a place for public discussions and free actions of his subjects.

But this is not yet the whole humility required of him who has surrendered himself to Enlightenment. The ruler should keep in mind the Roman dictum, “*Caesar non est supra grammaticos*” (WA, AA 08, p. 40; Kant, 2006, p. 21), which describes the key condition of the functioning of the new “enlightened world”. Suppose we point to the existence of limits to the power of any government, any legislative and executive bodies. Who does the limiting? The *power of thinking* which is separated from the position and powers of the Ruler and which, moreover, limits them; and is in a certain sense above the ruler. The chief guardian of the state, the sovereign, must have the courage to limit his own power in the domain of learned knowledge, for the Emperor is not above the Scientist, i.e. him who sets the public norm, citing the Light of Reason.

Sure enough, in any enlightened age “The Emperor is not above the Scientist”. Then go and tell him about it. Long before our time, Plato demonstrated in Syracuse how such attempts end up. What does Kant count on if he never sailed to Syracuse and indeed never found reason to leave his city and sail away from the banks of the Pregel? What could the philosopher afford to do, considering that he

тов позволить себе философ, который всегда демонстрировал рассудительность в высказываниях относительно суверена? Сиракузы Канта — сам текст, мужество этого текста. Дисциплинированный прусский подданный вводит в разговор фигуру *Просвещенного Правителя* и предпринимает важнейшую попытку *публично обсудить формулу конкордата между интеллектуалами эпохи Просвещения и Государем*.

В этом концепте полно платоновских интонаций. Философ-правитель «Государства» определенно коррелирует с фигурой Просвещенного Правителя, который оказывается в самом центре ценностной системы Просвещения. Другая важная аналогия с «Государством» Платона состоит в том, что Кант предполагает такую организацию политического тела, которая наилучшим образом позволит мышлению править, а всякому гражданину или подданному — следовать девизу *Sapere aude*.

Следовательно, мы имеем дело с конструкцией, в которой концепт «*рассуждайте и повинуйтесь*» уравнивается концептом «*повинуйтесь тому, кто не превышает грамматиков*».

В рассматриваемом эссе по сути обсуждается идея разделения властей — на власть мышления (грамматиков) и власть правления (цезаря). Отметим, что данная конструкция исторически появляется в одно время с двумя другими конструкциями разделения властей — французской и американской. Первая направлена на разделение исполнительной, законодательной и судебной власти. Вторая — на разделение федеральной власти и власти земель. Таким образом, в целом мы имеем дело с тремя типами разделения властей, и все они — плоды Просвещения. Экспликация идеи ограничения власти институциональными и правовыми конструктами — тоже необходимый плод Просвещения.

Подведем итог: возвращаясь к началу, *Sapere aude*, конечно же, не полная формула сложного рецепта Просвещения. В формуле Канта следует выделить несколько взаимосвязанных

was always judicious in his comments about the sovereign? Kant's Syracuse is the text itself, the courage of this text. The disciplined Prussian subject brings into the conversation the figure of an *Enlightened Ruler* and makes an unprecedented attempt to publicly *discuss the formula of a concordat between Enlightenment intellectuals and the Sovereign*.

The concept is full of Platonic intonations. The philosopher king of Plato's *Republic* definitely correlates with the figure of the *Enlightened Ruler*. Another important analogy with Plato's *Republic* is that Kant assumes an organisation of the body politic which best allows thinking to rule and every citizen or subject to follow the motto *Sapere aude*.

Consequently, we are looking at a construction in which the concept "*argue and obey*" is balanced by the concept "*obey him/her who is not above grammarians*".

Kant's essay basically discusses the idea of separation of powers, the power of thinking (grammarians) and the power of ruling (Caesar). It should be noted that this concept historically emerges simultaneously with two other constructions of separation of powers, the French and the American. The former is aimed at separating the executive, legislative and judiciary branches and the latter between federal and regional authorities. Thus, on the whole, we are looking at three types of separation of powers, all of which are the fruits of Enlightenment. Explication of the idea of limiting power by institutional and legal constructs is also a necessary fruit of Enlightenment.

To sum up: going back to the beginning, *Sapere aude*, of course, is not the full formula of the complex recipe of Enlightenment. Kant's formula consists of several interconnected parts, to wit: Enlightenment is exit from immaturity; this calls for the courage to know; guard-

членов, а именно: Просвещение есть выход из несовершеннолетия; для этого требуется мужество знать; опекуны тоже несовершеннолетние; Просвещению необходимы свободы; рассуждая — повинуйтесь; Цезарь не превыше грамматиков; *ergo*, свободно рассуждающие, повинуйтесь тому, кто не превыше грамматиков.

Последний пункт списка, помимо прочего, указывает на особую связность общественного организма — повинуйтесь тому, кто не превыше вас в мышлении и праве публичного высказывания. Кто на самом веру в одном типе отношений, с необходимостью должен оказаться внизу в другом типе отношений. Иначе общество не будет обладать высокой степенью связности, устойчивости и одновременно свобод. В определенном и значимом смысле мы имеем дело с ярким контрреволюционным тезисом (если перед глазами иметь принципиальную конструкцию Французской революции).

Заключение, или Долг, подчиняющий мышление своим целям

В своем историческом эссе Кант описал процесс *освобождения* из-под ига опекуна, где ясно слышен призыв к освобождению из-под бремени собственной трусости и нерешительности.

Чье ярмо жестче — собственное или опекуна? Безусловно, то, которое человек самолично возложил на выю свою. Да, конечно, не без одобрительного гула всей свидетельствующей толпы родственников, друзей и наставников. Но возложил сам, непременно сам. Дух зла в дом не входит, если только сам человек не приглашает его⁷. Потому освобождение от самопорабощения первично, морально и предшествует всякому иному. И такое освобождение не требует ни персонального врача, ни святого отца, ни мудрого учителя. Но только решительности *Знать!* Мужества принять ответственность за себя и начать *Действовать!*

⁷ Позволим здесь себе отсылку к сцене знакомства Фауста и Мефистофеля из бессмертного творения Гёте.

ians, too, are immature; Enlightenment needs freedoms; argue but obey; Caesar is not above grammarians; *ergo*, in freely arguing, obey him/her who is not above the grammarians.

The last item in the list points, among other things, to a special type of cohesion within the social organism, obey him/her who is not above you in thinking and the right of public expression. He/She who is at the very top in one type of relations, must of necessity be below in a different type of relations. Otherwise society would not have a high degree of cohesion, stability and, simultaneously, freedoms. In a certain significant sense we are looking at a powerful counter-revolutionary thesis (if we keep in mind the fundamental structure of the French Revolution).

Conclusion, or Duty Subordinating Thinking to Its Ends

In his historic essay Kant described the process of *emancipation* from the yoke of guardianship in which one clearly hears a call for liberation from the burden of one's own cowardice and indecision.

Which yoke is harsher, one's own or the guardian's? Undoubtedly, that which you have imposed on yourself to the approving hum of the crowd of relatives, friends and mentors. But you have done it yourself, which is an indispensable condition. The evil spirit does not enter your home unless you invite it yourself.⁸ Therefore liberation from self-incurred slavery is primary, moral and precedes any other kind. Such liberation does not require a personal doctor or a priest or a wise teacher. All it takes is the determination to *Know*. The courage to assume responsibility for oneself and to begin *Acting*.

⁸ I take the liberty of referring to the scene of Faust's acquaintance with Mephistopheles in Goethe's immortal work.

Конечно, такому человеку придется действовать среди тех, кто иго признаёт за благо и до слез благодарен за него своим опекунам. Стремиться к самоосвобождению в таком социальном окружении — путь предсказуемо долгий и трудный. И чем мощнее окружение, чем знатнее род, чем почетнее место в обществе, чем крупнее счет в банке — тем сильнее инерция происходящего, тем дальше человек от мужества быть.

К сожалению, личная ответственность и поэтому личная свобода будет подавляться в следующие века возможно даже более, чем ранее. Придут времена, когда мыслители увлекутся преимущественно идеей поиска так называемых «объективных причин». И тем самым направят острие революций не на самоосвобождение человека, а на переустройство общественных отношений, которые автоматически «освободят» человека. Новые общественные отношения за прошедшие столетия пожрали мириады душ, но не приблизили к освобождению тех, кому так и не хватило мужества начать пользоваться собственным умом.

Увы, кантовская версия Просвещения не стала историческим мейнстримом. Мужество в части применения мышления и в преодолении трусости не стало визитной карточкой Современности. Грамматики не оказались выше Цезарей.

В одном из поздних текстов Кант утверждает, что «долг начертан грубейшими и всякому внятными письменами в душе человека»⁸. Долг не нуждается в умствованиях рассудка. Напротив, это долг подчиняет мышление своим целям. Нравственность, носителем которой является свободная личность, первоначально, она не должна быть функцией рассудочности, но должна стать руководителем ума. Предположим, что Кант превращает тезис о совершенности в тезис о долге, в таком смысле можно

⁸ Так эта кантовская мысль передается в статье С.И. Гессена, посвященной 200-летию Канта (Гессен, 2001, с. 344; ср.: АА 08, S. 287; Кант, 1994б, с. 275).

Such a person will of course have to act in the midst of those who see the yoke as a boon and never stop being grateful to the guardians for it. To strive to liberate oneself in such a social environment is predictably a long and arduous journey. The more powerful the environment, the more noble the tribe, the more honourable the place in society, the bigger the bank check — the greater the inertia, the further one is from the courage to be. Unfortunately, personal responsibility and therefore personal freedom is likely to be suppressed in the coming centuries even more than before. The time will come when thinkers will be engaged mainly in looking for so-called “objective causes”. In this they will direct the main thrust of revolutions not toward the human being’s self-liberation, but toward changing the social relations which would “automatically” “liberate” humanity. Over the centuries new social relations have devoured myriads of souls, never bringing those who failed to pluck up the courage to use their own intelligence closer to liberation.

Alas, the Kantian version of Enlightenment has not become historical mainstream. Courage in using the intellect and overcoming cowardice has not become the hallmark of Modernity. Grammarians have not risen above Caesars.

In one of his later texts Kant claims that “duty is inscribed in crude and legible characters in the human’s soul”.⁹ Duty does not need the intricacies of reason. On the contrary, it harnesses intellect to its goals. Morality, which is inherent in a free individual, is primary, it should not be a function of reason, but it should become the guide of the mind. Suppose Kant turned the thesis on maturity into a the-

⁹ This is how the Kantian idea is rendered by Sergei Hessen in an article devoted to Kant’s bicentenary (Hessen, 2001, p. 344; cf. TP, AA 08, p. 287; Kant, p. 288).

было бы услышать от философа слова, что всякий человек обязан оставить догматический период своего существования и, набравшись дерзости и мужества, войти в критический. Что, конечно же, означало бы войти в бурные реки неопределенности и риска. Вот это и есть терпкие плоды провозглашенного мужества.

Добро лишь там, где оно торжествует над злом. Так и мужество лишь там, где оно торжествует над страхом. Самостоятельная жизнь вне опекуна поначалу страшит! Самостоятельная мысль пугает! Ведь именно страх лежит в основании отказа пользоваться собственным рассудком: страх спазмирует, страх блокирует поступок, страх не позволяет начать новую эпоху существования человечества.

Кантово пробуждение от догматического сна (его личный жизненный поступок) нужно считать опытом выхода из состояния несовершеннолетия. То есть кантово совершеннолетие есть начало критического периода всякого человека. Является ли критический период завершающим периодом развития человека, концом его личной истории? Мне неизвестно, что думал на сей счет сам Кант, но в той антропологии, что обуславливает мысль автора данного текста, конечно же, нет! Уровень мобильности компонентов мышления в критический период по сравнению с догматическим на порядок выше. Это более бурный, куда более рискованный и точно более ответственный отрезок жизни. В нем открываются новые захватывающие горизонты следующего шага — такого, о котором говорить из несовершеннолетия просто невозможно.

Что все сказанное значит для нас помимо постоянной перепроверки собственного критического мышления и дисциплинарного навыка на подлинность? Да, наряду с этим нам важно публично обсуждать общечеловеческую повестку, посредством которой происходит поступательное движение к всеобщим целям. Кант это не только предлагает, но и демон-

stris on duty. In that case he might have said that every human should leave the dogmatic period behind and, summoning boldness and courage, enter the critical period. Which would of course mean wading into the turbulent rivers of uncertainty and risk. These are the bitter fruits of proclaimed courage.

Good is only where it prevails over evil. But then courage, too, is only where it prevails over fear. Independent life without guardianship initially scares. Independent thought frightens. Fear is at the basis of refusal to use one's reason: fear paralyses, blocks action, fear prevents the advent of a new era in human existence.

Kant's awakening from dogmatic slumber (the exploit of his own life) should be seen as an experience of emerging from the state of immaturity.

In other words, Kantian maturity is the beginning of the critical period in everyone's life. Is the critical period the concluding period of a person's development, the end of a life? I do not know what Kant thought about it, but in the anthropology of my thought the answer is certainly not. The level of mobility of the components of thinking in the critical period is higher by an order of magnitude than that of the dogmatic period. It is a much more turbulent, far riskier and certainly more responsible stretch of life. It opens heady vistas of the next step, which cannot even be discussed from the position of immaturity.

What does all the above mean for us apart from the constant checking of our own critical thinking and disciplinary prowess for authenticity? Yes, simultaneously we should publicly discuss the universal human agenda which incrementally propels us toward our universal goals. Kant does not only propose this approach but demonstrates it in the work we are analysing here. Thereby he fulfils his civic duty and *himself sets an example of adherence to the universal maxim.*

стрирует в разбираемом нами сочинении. Тем самым исполняя свой гражданский долг. Сам выступая образцом всеобщей максимы.

Благодарности: Статья подготовлена в рамках программы стратегического академического лидерства «Приоритет 2030» Балтийского федерального университета им. И. Канта.

Список литературы

Агамбен Дж. Stasis. Гражданская война как политическая парадигма. Homo sacer; [т.] II, [ч.] 2. СПб. : Владимир Даль, 2021.

Берн Э. Игры, в которые играют люди. М. : Прогресс, 1988.

Гессен С.И. Педагогика Канта // Гессен С.И. Педагогические сочинения. Саранск : Красный Октябрь, 2001. С. 341–353.

Гораций Квинт Флакк. Оды. Эподы. Сатиры. Послания / пер. с лат. ; ред. переводов, вступ. ст. и коммент. М.Л. Гаспарова. М. : Художественная литература, 1970.

Грошева А.В. Обозначение вкуса у римлян (оппозиция глаголов gusto и sapio) // Acta Linguistica Petropolitana. Труды института лингвистических исследований. 2011. Т. 7, № 1. С. 319–333.

Кант И. Ответ на вопрос: что такое просвещение? // Соч. на нем. и рус. яз. М. : Ками, 1994а. Т. 1. С. 126–147.

Кант И. О поговорке: «Может быть, это и верно в теории, но не годится для практики» // Соч. на нем. и рус. яз. М. : Ками, 1994б. Т. 1. С. 239–351.

Межуев Б.В. Диалектика Контрпросвещения // Вопросы философии. 2022. № 6. С. 45–57.

Пинкер С. Просвещение продолжается. В защиту разума, науки, гуманизма и прогресса. М. : Альпина, 2021.

Сенека Луций Анней. Нравственные письма к Луцилию / пер., примеч., подгот. изд. С.А. Ошерова ; отв. ред. М.Л. Гаспаров. М. : Наука, 1977.

Hahnemann S. Organon der Heilkunst. 2. Aufl. Dresden : in der Arnoldschen Buchhandlung, 1819.

Melanchthon P. De corrigendis adolescentiae studiis // Philippi Melanthonis Opera quae supersunt omnia / ed. C.G. Bretschneider. Halis Saxonum : Schwetschke, 1843. Vol. 11. P. 15–25.

Acknowledgements: This publication was supported by the Russian Federal Academic Leadership Program “Priority 2030” at the Immanuel Kant Baltic Federal University.

References

Agamben, G., 2015. *Stasis. Civil War as a Political Paradigm (Homo sacer, II, 2)*. Translated by N. Heron. Edinburgh: Edinburgh University Press.

Berne, E., 1964. *Games People Play: The Psychology of Human Relationships*. New York: Grove Press.

Grosheva, A.V., 2011. Latin Verbs with the Meaning of ‘Taste’ (*gusto* and *sapio*). *Acta Linguistica Petropolitana. Transactions of the Institute for Linguistic Studies*, 7(1), pp. 319-333. (In Rus.)

Hahnemann, S., 1819. *Organon der Heilkunst*. 2nd Edition. Dresden: in der Arnoldschen Buchhandlung.

Hessen, S., 2001. Kant’s Pedagogy. In: S.I. Hessen, 2001. *Pedagogicheskie sochinenia [Pedagogical Works]*. Saransk: “Krasnyi Oktyabr”, pp. 341-353. (In Rus.)

Horace, 2005. *Epistles I*. In: Horace and Persius, 2005. *Horace, Satires and Epistles; Persius, Satires*. A verse translation with an Introduction and Notes by N. Rudd. London, et al.: Penguin Classics, pp. 77-107.

Kant, I., 2006. An Answer to the Question: What Is Enlightenment? In: I. Kant, 2006. *Toward Perpetual Peace and Other Writings on Politics, Peace, and History*. Edited and with an Introduction by P. Kleingeld; translated by D.L. Colclasure. New Haven & London: Yale University Press, pp. 17-23.

Kant, I., 1999. On the Common Saying: That May Be Correct in Theory, but It Is of No Use in Practice. In: I. Kant, 1999. *Practical Philosophy*. Translated and edited by M.J. Gregor, General Introduction by A.W. Wood. Cambridge: Cambridge University Press, pp. 277-309.

Melanchthon, P., 1843. De corrigendis adolescentiae studiis. In: C.G. Bretschneider, ed. 1843. *Philippi Melanthonis Opera quae supersunt omnia. Volume 11*. Halis Saxonum: Schwetschke, col. 15-25.

Mezhuev, B.V., 2022. Dialectics of the Counter-Enlightenment. *Voprosy Filosofii*, 6, pp. 45-57. <https://doi.org/10.21146/0042-8744-2022-6-45-57>. (In Rus.)

Pinker, S., 2018. *Enlightenment Now: The Case for Reason, Science, Humanism*. New York: Penguin.

Seneca, L.A., 1917. *Epistles. Volume I: Epistles 1-65*. Translated by R.M. Gummere. Cambridge, MA: Harvard University Press.

Translated from the Russian by Evgeni N. Filippov

Об авторе

Сергей Николаевич Градировский, МШУ Сколково, Москва, Россия; Балтийский федеральный университет им. И. Канта, Калининград, Россия.

E-mail: gradirov@gmail.com

Для цитирования:

Градировский С.Н. Дерзость знать, или Евангелие от Канта // Кантовский сборник. 2023. Т. 42, № 2. С. 141–170.

doi: 10.5922/0207-6918-2023-2-7

© Градировский С.Н., 2023.

The author

Sergey N. *Gradirovsky*, The Moscow School of Management SKOLKOVO, Moscow, Russia; Immanuel Kant Baltic Federal University (IKBFU), Kaliningrad, Russia.

E-mail: gradirov@gmail.com

To cite this article:

Gradirovsky, S.N., 2023. Dare to Know, or the Gospel According to Kant. *Kantian Journal*, 42(2), pp. 141-170.

<http://dx.doi:10.5922/0207-6918-2023-2-7>

© Gradirovsky S.N., 2023.

ПРЕДСТАВЛЕНО ДЛЯ ВОЗМОЖНОЙ ПУБЛИКАЦИИ В ОТКРЫТОМ ДОСТУПЕ В СООТВЕТСТВИИ С УСЛОВИЯМИ ЛИЦЕНЗИИ CREATIVE COMMONS ATTRIBUTION (CC BY) ([HTTP://CREATIVECOMMONS.ORG/LICENSES/BY/4.0/](http://creativecommons.org/licenses/by/4.0/))

SUBMITTED FOR POSSIBLE OPEN ACCESS PUBLICATION UNDER THE TERMS AND CONDITIONS OF THE CREATIVE COMMONS ATTRIBUTION (CC BY) LICENSE ([HTTP://CREATIVECOMMONS.ORG/LICENSES/BY/4.0/](http://creativecommons.org/licenses/by/4.0/))